

Трофимов С.В.

Социальные источники двоеверия и искажения религиозного учения

*Социологический факультет Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова*

Аннотация. В статье обсуждаются социальные источники возникновения двоеверия и искажений религиозного учения. С одной стороны, они появляются в противопоставлении каноническому религиозному учению, для формирования которого необходимо наличие социальных акторов, обладающих способных к изучению и генерализации проблемы, выделяющихся из общей «народной» массы верующих. С другой, они возникают на месте «пересечения» религиозной доктрины и прагматических потребностей, которые верующие стараются решить путями, не всегда вписывающимися в требования официальной религии. В современном западноевропейском обществе ситуация будет осложнена принципами индивидуализма и плюрализма.

Ключевые слова: двоеверие, искажения религиозного учения, традиции, индивидуализм.

Trophimov S.V.

Social sources of religious double belief and distortions of religious doctrine

Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article discusses the social sources of the emergence of double belief and distortions of religious teachings. On the one hand, it appears in contrast to the canonical religious teaching, the formation of which requires the presence of social actors with the ability to study and generalize the problems, who stands out from the general "popular" mass of believers. On the other hand, it arises at the place of "intersection" of religious doctrine and pragmatic needs, which believers try to solve in ways that do not always fit into the requirements of the official religion. In modern Western European society, the situation will be complicated by the principles of individualism and pluralism.

Keywords: religious double belief, distortions of religious doctrine, tradition, individualism.

Предположение, что основу мира составляет борьба двух противоположностей — добра и зла — почерпнута человеком из опыта повседневной жизни. Поэтому довольно естественным является перенесение этой дуальности на мир сакрального также представляется логичным. В этом случае добро, присутствующее в мире, являет собой положительной силы, а все злое или, по меньшей мере, разрушение добра, относится к его антиподу.

Верное догмам христианское понимание того, что весь окружающий нас мир является творение Всевышнего и добр по своей сути, а зло — это нулевой уровень, отсутствие добра, а не равная ему по величине суть, оказывается сложной для понимания широкими народными массами именно потому, что не вписывается в обычную мирскую логику. Это же мнение прочно вошло в литературу. А противоположной точки зрения почти не слышно, кроме узких приходских источников, но они не могут охватить всех. Не удивительно, что современном мире многие люди, причисляющие себя к православным, но не имеющие достаточного знания христианского учения, по-прежнему пользуются этой житейской логикой, противопоставляя зло на равной чаше весов с добром.

В будущем, полностью избежать искажений в этом вопросе нельзя, особенно у людей далеких от христианской жизни. Определенная коррекция возможна и необходима — путем усердной пастырской работы, тем, что называется «разъяснительной работы», публикацией доступных и современных книг по христианскому учению, да и более современных источников информации — интернет сайтов и дискуссий, художественной литературы и т.д. Очень показательным, в этом смысле является статистика «православных дуалистов» среди них реже встречаются те, кто Евангелие «дочитали» и стремятся к пониманию своей веры, не

успокаиваясь на некотором её «базовом» уровне, как все, оставаясь при этом далёкими от реального Христианства.

Вопрос откуда берутся искажения в религиозном учении широкими народными массами беспокоит пасторов и лидеров религиозных общин, занимает исследователей религии. Собственно искажения регулярно возникают, как только некоторая религия вырабатывает догматическое — то есть логически выверенное и обсужденное не одним поколением мыслителей — выражение своего учения. Для его понимания необходимо учиться, общаться с другими знатоками, и это достижение его понимания становится плодом долголетнего и постоянного труда, определенного аскетизма. Можно ли требовать, чтобы каждый верующий совершал такой путь? Даже религии, ставящие крайне высоко и обязывающие определенные категории своих верующих достигать глубокого понимания своей догматики, не требуют этого от каждого. Вопрос двоеерия в российской культуре обсуждается российским ученым А.А. Панченко [3] и американской исследовательницей Ив Левин [2].

В путешествии по Шри-Ланке, я часто обращал внимание на соседство буддийских и индуистских алтариков по дорогам. Ну, наверно, такая толерантность — ведь на Шри-Ланке соседствуют тамилы — индусы и сингалы — буддисты? Хотя в основном наша дорога пролегалла по территории, населенной сингалами. Но особенно удивительным для меня были домашние алтари, которые повсеместны, в том числе в магазинчиках и лавках. В них центральное место занимали буддийские статуи, но где-то с краюшку «примостились» и статуэтка слогоголового бога Ганеши, и изящный Кришна на цветной открытке. На мой вопрос, как же так, если алтарь находится в лавке, принадлежащей сингалам, то откуда здесь индуистские божества, ответ показал мне сущность народных верований: «Буддизм учит, как правильно поступать в жизни, но если нужно что-то попросить наверняка, то получается, что не у кого. Вот тут и стоят индуистские божества, скорые на помощь».

Собственно включение представлений индуизма в буддийскую догматику не является проблемой само по себе. Однако, простой человек, сингальский торговец, причисляющий себя к буддистам, совершает положенные молитвы и старается вести себя по предписанным его положению правилам, вместе с тем, хочет найти надежное «подспорье» в его повседневной торговле или семейном благополучии. При этом с его точки зрения это не совсем правильно, поскольку, он прибегает к «чужим» с его точки зрения богам и силам для достижения своих повседневных целей, хотя с другой стороны ... все же так поступают.

Искажения и наслоения на «правильное» религиозное учение происходят тогда, когда народные массы испытывают определенные потребности, касающиеся самых насущных сторон их повседневной жизни, но не могут удовлетворить их из источника собственной религии, потому что не находят ответа в доступном учении и ритуале, потому что не имеют возможности спросить наставника или потом что его ответ их «не устраивает», «не удобен» или «не вписывается» в ситуацию их повседневной жизни.

Очень большую роль играет в этом случае «традиция» — всегда так поступали в похожих случаях. Сюда могут относиться и зашивание зеркала в доме, где соблюдается траур по покойному, рюмка, выпитая и разбитая на свадьбе, свеча, зажженная во время грозы, и студенческие приметы во время сессии. Нужно ещё учесть, что, отойдя от крестьянского уклада жизни, мы утратили огромное количество таких постоянных и повседневных действий, без которых ни один крестьянин бы не отважился начать пахоту или сбор урожая... В современном мире, мы находим лишь отголоски практик, которые наполняли мир наших предков еще полтора века назад, наполняя его определенной логикой и пониманием.

Некоторые области жизни традиционно обслуживались «двойным» ритуалом — например, рождение человека в крестьянской избе, хотя и было освещено христианским крещением, но далее, в борьбу за его благополучие вступали выверенные не одним поколением крестьян меры — которые отстраненный от повседневной жизни деревни батюшка («аутсайдер» — в современном социологическом языке) конечно, считал «предрассудками» — когда надо было наверняка уберечь младенца от дурного глаза, болезней и других напастей — мать и старшие женщины в семье («инсайдеры») прибегали к приметам и обрядам,

сохранившихся из языческого прошлого. Постепенно и само крещение стало восприниматься как одна из этих мер.

В современном мире, религиозное верование стало одним из явлений, в высшей степени подверженных индивидуализму. Законодательство светских государств, позволяет каждому выбирать свою религию или не исповедовать ни одной. Но в мире постмодерна и это свободно выбранное вероисповедание оказалось подвержено выбору составляющих. Французский социолог Д.Эрвьё-Леже относит это явление к религиозному «бриколажу» [10; 11, р. 290] (что-то между «рукоделием» и «самоделькой»), а в американской социологии, например, Р. Уатнау использует понятие «лоскутной (patchwork) религии» [12, р. 2].

Обсуждение и изучение явления «бриколажа» получило развитие в работах российских исследователей: Синелиной Ю.Ю. [4, с. 14–18], Фолиевой Т.В. [8, с. 283–287], Колкуновой К.А. [1, с. 103–112], Степановой Е.А. [5, с. 110–122] и др. Концепция Д.Эрвьё-Леже была рассмотрена в статьях автора [6, с. 204–218.; 7].

Д. Эрвьё-Леже констатирует, что индивид может совершенно автономно организовывать смыслы, позволяющие ему ориентироваться в собственной жизни и окружающем мире и отвечать на важнейшие вопросы своего существования. Его духовный опыт сжимается до частных отношений духовной близости с Богом, которого он же сам выбирает. А если этот в высшей степени личный опыт не предписывает ему обязательных религиозных действий в жизни, то принадлежность к религиозной общности может становиться второстепенным вопросом или даже совершенно бесполезной. Категория *«верить, не принадлежа»* проявляется даже в случае, когда индивид придает своему духовному поиску определенное религиозное направление, свободно ссылаясь на религиозную традицию в личном решении вопроса веры. Часто встречаются ответы респондентов: «я духовно чувствую себя христианином, но я не принадлежу никакой церкви», «я чувствую себя близким к буддизму», «я привлечен мусульманской мистикой». Свободно колеблющиеся верующие, которые, как правило, разделяют эти предпочтения, не испытывают необходимости присоединяться к какой-либо религиозной группе. Достаточно читать определенный журнал, посещать определенный книжный магазин, смотреть определенную телевизионную программу, или, все более и более часто (*а через двадцать лет после публикации книги Д. Эрвьё-Леже это стало наиболее распространенным вариантом — С.Т.*) посещать определенный сайт в Интернете. Такое разделение веры и религиозной принадлежности выражается еще более очевидно в тех случаях, когда верующий индивид отстаивает свое право на выбор тех элементов из различных религиозных традиций, которые лично ему нравятся. Подобная логика «религиозной самодельки (bricolage)» делает невозможным создание общины верующих, объединенных общей верой. В гипотезе Д.Эрвьё-Леже, совместная актуализация веры несколькими поколениями верующих — основной критерий последовательности традиции, определяющий содержание самой религиозной связи — стремится к исчезновению. Во имя абсолютно субъективной концепции истины «атомизация» индивидуальных духовных поисков разлагает не только религиозную связь, задействованную в свидетельстве об истине, которую общностью разделяет в прошлом, настоящем и будущем, но и препятствует воспроизводству этой связи в какой-либо иной форме.

Гипотеза «разложения без воспроизводства» была выдвинута Ф. Шампионом в анализе некоторых течений современной мистической-эзотерической туманности, в особенности для разнообразных форм сетей New Age [9, р. 741–772]. В этом последнем случае социальная связь между сторонниками действительно сводится к эпизодическому обращению к ресурсам: в книжные магазины, культурные центры, салоны и выставки, и т.д. По мере того, как индивиды регулярно встречаются и «ткуют» между собой близкие более или менее стабилизированные связи, эти институты «самообслуживания смысла» преобразовываются в духовные кооперативы, внутри которых обмениваются информацией, адресами, названиями книг, и т.д. Связи, образуемые такими путями, свидетельствуют скорее о духовных сходствах, более или менее признанных заинтересованными сторонами, но они не объединяют индивидов между собой. Утверждению веры противопоставляется строго индивидуальная операция: каждому

своя истина... Этот субъективный режим поиска истины, потенциально, разрушает любую форму религиозного формирования общины.

Д. Эрвьё-Леже отмечает, что, хотя схема *самоутверждения веры* является предельным случаем, она играет всё большую роль в религиозном сознании индивида в западном обществе. Эта тенденция далека от того, чтобы быть исключительной или экзотичной. Однако расширение разнообразия форм верований вызывает противоположное движение в процессе верификации личных верований. Чем больше индивиды "мастерят" (*bricoler*) собственную систему веры, соответствующую их потребностям и желаниям, тем больше у них возникает необходимость обмениваться этим опытом с другими, разделяющими эти духовные стремления. Для придания смысла своему ежедневному опыту, индивиды не могут удовлетвориться собственным убеждением, нуждаясь в подтверждении извне состоятельности и уместности своих взглядов. В течение веков, это осуществлялось религиозными и философскими системами, политическими идеологиями, гарантированными религиозными институтами и их клерками, но такой порядок утверждения истины функционирует сегодня весьма хаотично. Однако и логика самоутверждения веры, отмечающая окончательный выход духовного поиска вне рамок, подтверждаемых институциональной религией, также обнаруживает свои ограничения.

Как самоутверждение, так и институциональное утверждение веры уступают место режиму *взаимного утверждения*, основанному на личном свидетельстве, обмене индивидуальными опытами и поиске путей их коллективного углубления. Этот процесс имеет место не только в подвижных сетях мистическо-эзотерической туманности, но захватывает также институциональные религии. На границе или даже в центре приходов могут возникать гибкие и неустойчивые формы социальности — духовные группы и сети, основанные на духовных, социальных и культурных сходствах вовлеченных индивидов, например, католические или протестантские духовные профессиональные группы, объединяющие специалистов, которые работают в одной области и разделяют дружеские связи и общие язык, обычаи, образ жизни и культурный багаж. Главная задача состоит не в том, чтобы евангелизировать профессиональную среду, как у «Католического Действия», но скорее в том, чтобы создать каждому оптимальные условия выражения своего религиозного и жизненного опыта и своих ожиданий.

Светскость общества приводит к ситуации, когда с одной стороны, никто не имеет права навязать кому-либо определенных религиозных «взглядов», а повседневная занятость, наряду с множественностью источников, рекомендующих те или иные взгляды, приводит именно к кусочности религиозный взгляд конкретного индивида. Поэтому, на проверку, суждения, насыщающие религиозные представления наших современников, оказываются близки самым разнообразным религиозным источникам и учениям, в том числе противоречащим Христианству.

Литература

1. Колкунова К.А. Религии Нового века как религиоведческая проблема// Новые религии в России: двадцать лет спустя. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, Центральный дом журналиста, 14 декабря 2012 г. — М., 2013.
2. Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России. М., Индрик, 2004.
3. Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. — СПб.: Алетейя, 1998.
4. Синелина Ю.Ю. Религия в современном мире // Эксперт. — 2013. — № 1: Специальный номер. — С. 14-18
5. Степанова Е.А. Религия в США и Западной Европе: исключение или правило? Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — Екатеринбург: УрО РАН, 2012. — Вып. 12.
6. Трофимов С.В. Индивидуализм и типы религиозных верующих в ранней теории д. Эрвьё-Леже. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 2014. № 4.

7. Трофимов С.В. Особенности формирования современного религиозного индивидуализма по Д. Эрвье-Леже // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 1.
8. Фолиева Т.А. Религиозная самосоциализация взрослых как бриколаж // Социология религии в обществе Позднего Модерна: материалы Четвертой Международной научной конференции. НИУ «БелГУ», 12 сентября 2014 г. / отв. ред. С.Д. Лебедев. — Белгород: ИД «Белгород», 2013.
9. Champion F. Religieux flottant, éclectisme et syncrétisme, in J.Delumeau, Le Fait religieux, Paris, Fayard, 1993.
10. Hervieu-Léger D. La Religion comme mémoire, Paris, Cerf, 1993, 274 p.; английский перевод: Hervieu-Leger D. Religion as a Chain of Memory. Cambridge, 2000. 204 p.
11. Hervieu-Léger Danièle. Le pèlerin et converti. La religion en mouvement. Paris, Flammarion, 1999.
12. Wuthnow R. After Heaven: Spirituality in America Since the 1950s / Robert Wuthnow. — Berkeley: University of California Press, 1998.

Уфимцева Е.И.

Религиозная конверсия:

полипарадигмальное пространство интерпретации

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского*

Аннотация. Статья посвящена проблеме полипарадигмального использования понятия «религиозная конверсия» в научном дискурсе. Представлен исторический экскурс трансформации значений понятия «религиозная конверсия». Указываются особенности употребления понятия «религиозная конверсия» в зарубежных и российских исследованиях. Представлен спектр философских, психологических, социологических сигнификационных моделей понятия «религиозная конверсия». Философский ракурс определения религиозной конверсии представлен исследованиями П. Адо, С.Л. Франка, К.М. Антонова. Психологический ракурс определения религиозной конверсии представлен исследованиями У.Джеймса, Дж. Ко, И.С. Булановой, Л.А. Ардашевой. В рамках социологического подхода интерпретация понятия религиозной конверсии рассматривается в следующих значениях: как процесса формирования или изменения религиозной идентичности; как нарративного жанра; как процесса интеракции; как инклюзии в религиозное сообщество; как символической трансформации кризисного биографического опыта; как практики совладающего поведения; как личностного выбора на рынке религиозных товаров и услуг; как процесс религиозной ресоциализации и инкультурации.

Ключевые слова: религиозная конверсия, религиозное обращение, священное, религиозная идентичность, конвертит, аффилиация.

Ufimceva E.I.

Religious conversion: a polyparadigmatic space of interpretation

Chernyshevsky Saratov State National Research University

Abstract. The article is devoted to the problem of polyparadigmatic use of the concept of "religious conversion" in scientific discourse. The historical excursion of transformation of meanings of the concept "religious conversion" is presented. The features of the use of the concept of "religious conversion" in foreign and Russian studies are indicated. The range of philosophical, psychological, sociological signification models of the concept of "religious conversion" is presented. The philosophical perspective of the definition of religious conversion is presented by the studies of P. ADO, S. L. Frank, K. M. Antonov. The psychological perspective of the definition of religious conversion is presented by the research of W. James, J. p. Ko, I. S. Bulanova, L. A. Ardasheva. In the framework of a sociological